

Полина Люро
Внучок

Полина Люро

Внучок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69010288

SelfPub; 2023

Аннотация

Одно в этой жизни всегда остаётся неизменным — бабушки любят своих внуков...

Полина Люро

Внучок

— Вот беда, беда... Скоро старые дедушкины часы пробыют половина пятого утра, а Игоря всё нет дома. А обещал, что вернётся не позже часа ночи. Да где ж его до сих пор носит? Не случилось бы чего...

Скрипели половицы под тяжёлыми шагами грузной старухи, беспокойно было у неё на сердце. Уж раз пять бабушка Агафья пила сердечные капли, а толку — никакого, на душе по-прежнему тяжело. Страх за внука не давал ей спать, да и какой сон в её-то возрасте — так, одно название.

Она снова покосилась на икону в углу и, не выдержав, опустилась на колени, склонив голову, быстро прочитала молитву, прося заступничества у богоматери, а потом с кряхтением, охая и держась за стул, с третьего раза поднялась на ноги. Проклятые колени не желали сгибаться, скрипели не хуже несмазанных петель на створках окна.

Агафья пошаркала немного по комнате и снова вернулась к окну. Книжка, которую она пыталась читать, упала на пол, а поднять её не было сил. Да и очки куда-то делись, наверное, забыла их на кухне. Непогода за окном и не думала останавливаться: сильный дождь как начался после обеда, так и лил нескончаемым потоком, а теперь ещё и ветер усилился.

– А Игорь-то на машине уехал. Вдруг застрял в нашей грязи и мучается где-то на дороге. Хоть бы позвонил старой бабушке, слово ведь давал.

Она тяжело вздохнула, посмотрев на новенький мобильный, подаренный внуком месяц назад. Ей было стыдно признаться любимому Игорьку, что эта «наука» давалась старушке с трудом, хотя как отвечать на звонки Агафья знала и потому надеялась, что он вспомнит о бабушке.

– Может, Игорёк решил у друга заночевать? Да лучше бы так, чем в такую непогоду тащиться в нашу глухомань. И чего это он вдруг из города ко мне перебрался, неужели вляпался во что, или с работы погнали? Сколько раз я уже до него допытывалась — молчит окаянный и только хмурится, аж страшно смотреть. До чего недобрый у внука становится взгляд — точь-в-точь как у его ненормального папаши. Хоть и нехорошо так говорить о единственном, тем более покойном сыне.

От таких мыслей у бабушки заныло сердце, и она потянулась за сердечными каплями, стоящими на подоконнике вместе с чашкой воды. Но раздавшийся громкий стук в дверь заставил задрожать её руку, опрокинув на пол пузырьёк, а вслед за ним и расписной бокал. Он упал с глухим стуком и покатился по стареньким полосатым половикам, заливая их водой.

Агафья встала, чуть живая от страха, и прокричала, во всяком случае, ей так показалось, хотя, на самом, деле еле

слышно прохрипела:

– Игорёк, ты что ли вернулся? А что так поздно-то?

Вместо ответа в дверь снова постучали, настойчиво и громко, и сердце одинокой женщины заняло в нехорошем предчувствии. Но она взяла себя в руки и снова спросила, хотя теперь в её голосе почти не было надежды:

– Игорь, скажи, ты это, или кто чужой пожаловал?

Ответа снова не последовало, вместо него в дверь забарабанили с такой силой, что хлипкая деревяшка прогнулась, норовя треснуть под напором нечеловеческой силы.

Агафья перекрестилась и забормотала молитву, с надеждой посмотрев на толстый засов:

– Не подведи, милый!

И он, словно услышав её просьбу, стойко держал оборону.

Незнакомец постучал ещё недолго и затих, дав старушке время принять меры: сначала она добралась до телефона, но набирать номер полиции не стала, подумав о *верном средстве* — на полке в буфете стояла хранимая пуще глаза бутылка со святой водой, набранной ещё на прошлое Крещение.

Прижимая к себе заветную пластиковую бутылку, Агафья подошла к окну и сделала это вовремя. Сверкнула молния, осветив за стеклом лохматую медвежью образину с горящими жёлтыми глазами и оскаленной пастью. От её вида хотелось немедленно, как в детстве, забиться под кровать, стуча зубами от страха.

Она вдруг усмехнулась:

– Не полезу я туда, и не надейся. Годы уж не те, чтобы по полу лазить. Тут тебя подожду.

На удивление, сердце успокоилось и билось ровно, как в молодости.

Тварь за окном ударила лапой по и так треснувшему стеклу, которое Агафья всё забывала заменить, оно хрустнуло и осыпалось мелкими осколками внутрь комнаты. Лапа рванулась прямо к лицу старушки, но тут же с воем убралась прочь, а бабушка осторожно закрутила крышку на бутылке:

– Ну что, получил? А нечего было соваться, у меня с такими как ты — разговор короткий.

Она слушала топот убегающего зверя и его обиженные завывания, с кряхтением перетаскивая подушки с кровати на окно и закрывая ими разбитый проём. Дождь, словно решивший, что сегодня ей и так хватило приключений, начал стихать, и через пять минут за окном еле капало.

Агафья убрала бутылку на полку, налила себе лекарство из запасного флакона и со вздохом села на кровать, глядя на свои трясущиеся руки.

– Дожила, старая, совсем крыша съехала от страха. Корявую яблоню за медвежью лапу приняла. То-то и оно, откуда в наших краях медведю взяться, их тут лет сто уже не видели, перебили всех давно...

Так, сидящую на кровати, её через пару часов и нашёл приехавший из города внук, испуганно бросившийся с рас-

спросами:

– Как ты, и что случилось?

– Да не мельтеши, Игорёк, в порядке я, просто устала. Ночью была такая непогода, вот веткой-то окно и разбило. Прочила же тебя — поменяй треснутое стекло, а ты всё — завтра, завтра...

– Прости, бабуля, сейчас всё сделаю. Задержался я в городе, у нас хоть и не было такого ливня, но дождик тоже прошёл неслабый, вот и решил заночевать у друга. Извини дурака, что не позвонил: выпил лишнего и забыл. Больше такого не повторится, обещаю, — его голубые глаза добродушно и заботливо смотрели на улыбающуюся бабушку.

Он быстро достал с чердака запасное стекло и вставил его в раму, а потом, поедая аппетитные поджаренные блины, довольно рассказывал:

– Я, бабуля, сегодня от тебя съезжаю. С парнем познакомился, он меня в автосервис к себе устраивает, так что жизнь налаживается! А ты что это так подозрительно на мои руки поглядываешь? Я их помыл, два раза.

И внук заразительно засмеялся. Агафья смотрела на него с любовью и радовалась:

– Хорошо, что он не в отца пошёл, нормальный парень вырос, заботливый. А вчера, наверное, дух его непутёвого папаши шалил, всё никак не успокоится: так и не простил меня, даже после смерти...

– Бабуль, — облизывая ложку в сметане, сказал внук, — я

сейчас уеду, а вернусь только в выходной, так что, если надо что-то по дому сделать — скажи. Я мигом.

— Спасибо, внучок, ничего не надо. Вот только найди мои очки, ночью куда-то упали, наверное, под буфет закатились.

Игорь кивнул и стянул через голову рубашку:

— Не хочу чистой сорочкой по полу елозить, — он лёг на доски, подсвечивая себе фонариком, — о, бабуля, нашлись твои очки и даже не разбились, протри их только, — встал и радостно протянул находку побелевшей Агафье.

Она взяла очки и спросила дрожащим голосом, пряча глаза:

— А что это у тебя за повязка на руке, поранился, что ли?

Внук недоумённо посмотрел на забинтованное предплечье.

— А чёрт его знает... Видно, выпил вчера много, совсем память отшибло. Скорее всего, обжётся, когда мясо на гриле переворачивал, а повязку мне Славка, наверное, наложил, он же на скорой работает. Ладно, заживёт, не волнуйся. Я поехал, не скучай, буду звонить, часто, — он чмокнул печальную старушку в морщинистую щёку и, закинув вещи в багажник старенькой Нивы, умчался, обдав недавно крашеный забор брызгами из огромной лужи.

Агафья смотрела вслед внуку, бормоча:

— Он не такой, как отец, он справится... — и вытирала слёзы с глаз.